

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 5, Pp. 1367–1381, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1367-1381

Особенности фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках

Алтын Куанышбековна Бакытжанова¹, Гулжан Тыныштыкбаевна Шокым², Эльмира Темирбаевна Буранкулова³, Багила Курманбеккызы Муратбек⁴, Гульнар Исамадиновна Есбергенова⁵, Гульмира Кенесовна Кушкарлова⁶

¹ Институт профессионального развития Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан (д. 33а, просп. Абая 010000, Астана, Республика Казахстан)

кандидат филологических наук

 0000-0002-5305-8295. E-mail: [altyn051275\[at\]gmail.com](mailto:altyn051275[at]gmail.com)

² Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-5243-591X. E-mail: [shokum\[at\]mail.ru](mailto:shokum[at]mail.ru)

³ Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)

PhD, старший преподаватель, заведующий кафедрой

 0000-0002-1218-0411. E-mail: [elmira.burankulova\[at\]inbox.ru](mailto:elmira.burankulova[at]inbox.ru)

⁴ Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-4100-2534. E-mail: [baglash\[at\]mail.ru](mailto:baglash[at]mail.ru)

⁵ Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)

докторант

 0000-0003-0015-9014. E-mail: [gulnargizem\[at\]gmail.com](mailto:gulnargizem[at]gmail.com)

⁶ Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0001-8362-6997. E-mail: [gulmira-alihan\[at\]mail.ru](mailto:gulmira-alihan[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бакытжанова А. К., Шокым Г. Т., Буранкулова Э. Т., Муратбек Б. К., Есбергенова Г. И., Кушкарлова Г. К., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена фразеологическим средствам моделирования гендерных стереотипов, отражающим особенности феминности и маскулинности в тюркских языках — в казахском, татарском, башкирском, узбекском и киргизском языках. *Цель* исследования — отобразить лингвокультурологические особенности фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках. *Материалом* исследования послужили фразеологизмы, содержащиеся в различных словарях изучаемых тюркских языков. *Результаты* исследования отражены в следующих ключевых тезисах: 1) фразеологизмы представляют собой лингвокультурологические средства моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках; 2) лингвокультурологические особенности феминности и маскулинности репрезентируются в исследуемых тюркских языках различными моделями фразеологических единиц, содержащих характерные компоненты кодов культуры; 3) тюркские языки имеют целый ряд сходств и различий в формировании и репрезентации гендерных стереотипов, несмотря на генеалогические связи языков; 4) исследование фразеологического моделирования гендерных стереотипов вносит вклад в развитие гендерных исследований тюркских языков и изучение феномена гендера в тюркской картине мира. *Выводы.* Анализ фразеологического материала показал наличие различных способов моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках; выявил лингвокультурологические особенности репрезентации феминности и маскулинности в генетически родственных языках, характеризующихся сходствами и различиями в формировании данных стереотипов; способствовал определению приоритетных компонентов лингвокультурологических кодов, моделирующих особенности гендерных стереотипов в тюркских языках. Значительная часть фразеологизмов выражает гендерные стереотипы через следующие компоненты кодов культуры — астрономический, зооморфный, соматический, вестиментарный, гастрономический, цветовой и предметный, характерные для каждого языка и гендерного пола в отдельности.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическое моделирование, гендерная лингвистика, гендерные стереотипы, феминность, маскулинность, тюркские языки, лингвокультурологические коды

Для цитирования: Бакытжанова А. К., Шокым Г. Т., Буранкулова Э. Т., Муратбек Б. К., Есбергенова Г. И., Кушкарова Г. К. Особенности фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1367–1381. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1367-1381

Gender Stereotypes in Turkic Languages: Features of Phraseological Modeling

Altyn K. Bakytzhanova¹, Gulzhan T. Shokym², Elmira T. Burankulova³, Bagila K. Muratbek⁴, Gulnar I. Yesbergenova⁵, Gulmira K. Kushkarova⁶

¹ Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan (33A, Abai Ave., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (Philology), Expert Coach

 0000-0002-5305-8295. E-mail: altyn051275[at]gmail.com

² K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-5243-591X. E-mail: shokum[at]mail.ru

³ K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)

PhD, Senior Lecturer, Head of Department

 0000-0002-1218-0411. E-mail: elmira.burankulova[at]inbox.ru

⁴ K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-4100-2534. E-mail: baglash[at]mail.ru

⁵ K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)

PhD Student

 0000-0003-0015-9014. E-mail: gulnargizem[at]gmail.com

⁶ K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-8362-6997. E-mail: gulumira-alihan[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bakytzhanova A. K., Shokym G. T., Burankulova E. T., Muratbek B. K., Yesbergenova G. I., Kushkarova G. K., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with phraseological means of modeling gender stereotypes that reflect certain femininity- and masculinity-related peculiarities observed in the Turkic languages. Gender stereotypes are a key category of contemporary gender linguistics. The typological study of gender stereotype modeling phraseological tools across a number of Turkic languages makes it possible to outline some linguistic and cultural features inherent to the phraseological representation of femininity and masculinity in Kazakh, Tatar, Bashkir, Uzbek, and Kyrgyz. *Goals.* The work seeks to describe linguistic and cultural features of phraseological gender stereotype modeling in the Turkic languages. *Materials.* The paper focuses on phraseological units contained in various dictionaries of the examined Turkic languages, in particular, phraseological, explanatory and bilingual ones. *Results.* The study yields a number of key theses as follows: 1) phraseological units serve as linguistic and cultural means of modeling gender stereotypes in the Turkic languages; 2) linguoculturological features of femininity and masculinity are represented in the investigated Turkic languages by various models of phraseological units containing characteristic components of cultural codes; 3) certain Turkic languages have a number of typological similarities and differences in the formation and representation of gender stereotypes, irrespective of actual genealogical connections between corresponding languages; 4) the study of phraseological gender stereotype modeling shall contribute to further development of gender studies and provide deeper insights into the phenomenon of gender in the Turkic worldview. *Conclusions.* The analysis of phraseological material shows the Turkic languages are distinguished by various ways of gender stereotype modeling, reveals some linguoculturological features of representing femininity and masculinity in genetically related languages characterized by certain similarities and differences in the formation of such stereotypes, contributes to the identification of priority components of linguoculturological codes that shape the peculiarities of gender stereotypes in Turkic languages. A significant part of phraseological units express gender stereotypes through the following components of cultural codes — astronomical, zoomorphic, somatic, vestimentary, gastronomic, color and physical ones — that are characteristic of each language and gender separately.

Keywords: phraseology, phraseological modeling, gender linguistics, gender stereotypes, femininity, masculinity, Turkic languages, linguistic and cultural codes

For citation: Bakytzhanova A. K., Shokym G. T., Burankulova E. T., Muratbek B. K., Yesbergenova G. I., Kushkarova G. K. Gender Stereotypes in Turkic Languages: Features of Phraseological Modeling. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1367–1381. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1367-1381

1. Введение

Исследование особенностей фразеологического моделирования гендерных стереотипов в казахском, татарском, баш-

кирском, узбекском и киргизском языках характеризуется многоаспектным подходом к проблемам фразеологической репрезентации и категории гендерных стереотипов.

Современные труды в области фразеологии, гендерной лингвистики и тюркских языков показывают различные тенденции в методологических подходах и метаязыковом плане в отношении изучения гендерных стереотипов. Обзор научной литературы позволяет констатировать, что, несмотря на разные исследования, малоизученными остаются вопросы фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках, так как категории гендерной лингвистики еще недостаточно представлены и изучены в тюркском языкознании.

Вместе с тем следует признать, что категории гендерной лингвистики как отдельной научной дисциплины, в том числе феминных и маскулинных стереотипов, средства их моделирования в языке вызывают споры не только в тюркском языкознании, но и в общей теории современной лингвистики [Мукова 2011: 29]. Феномен гендера в тюркологии не рассматривался с точки зрения гендерной лингвистики (в основном как объект сопоставительных исследований), хотя гендерная картина мира тюркских языков отличается самобытностью средств моделирования, в нашем случае — фразеологических средств языка (далее — ФЕ). В данном исследовании в состав ФЕ мы не включаем пословицы и поговорки в связи с тем, что придерживаемся традиционного понимания фразеологии как системы включающей устойчивые словосочетания, равнозначные по функции слову. ФЕ в нашем понимании — это устойчивые единицы языка, способные образно и вербально выразить самобытное представление о мире и своем феномене бытия носителями определенной лингвокультуры [Бадмаева 2010: 117].

Вопросы фразеологического моделирования гендерных стереотипов рассматривались на материале славянских, германских и тюркских языков, в частности, в сопоставительном аспекте с целью выявления типологии семантических особенностей концептосфер языков, грамматической организации, стилистических средств и способов перевода либо описания особенностей одного языка. В качестве основных трудов можно назвать исследования В. Л. Архангельского [Архангельский 1964], Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко 1993], В. Н. Телии [Телия 1996], Д. Ч. Малишев-

ской [Малишевская 1999], М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусовой, О. И. Литвинниковой [Алексеевко, Белоусова, Литвинникова 2004]; Э. С. Хузиной [Хузина 2012] и др.

В современных исследованиях ФЕ заметно актуализировались вопросы гендерной социализации языка в связи с развитием гендерного фактора как социокультурного феномена. «Гендер — это сложное социокультурное образование, включающее в себя различия в социальных ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках мужчин и женщин» [Буянова, Волюшина 2017: 117]. В контексте такого понимания гендера фразеологические средства тюркских языков могут быть представлены как уникальные фразеологические модели, репрезентирующие систему социокультурных отношений, ролей, статусов мужчин и женщин в различных сферах социальных институтов общества, а также их характерные качества, отражающие феминные и маскулинные стереотипы. Под гендерным стереотипом, согласно определению А. В. Кириловой, понимается «культурно и социально обусловленные и прочно закрепленные в общественном сознании мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [Кириллина 1999: 27–28].

В этой связи данная статья ставит своей целью рассмотреть лингвокультурологические особенности фразеологизмов с гендерной семантикой как уникальных средств моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках.

2. Материалы и методы

Исследовательский материал представлен различными лексикографическими и фразеографическими источниками изучаемых тюркских языков:

- фразеологические словари [КУРФС 1980: 11; КРФС 1988: 45; РБФС 1989: 233–235; ССФ 2010: 77–79; ФСТЯ 1989: 217–219; КТФС 2001: 415–418; ССФ 2010: 77–79];
- толковые словари [АСБЯ 2011: 60–71; ТСКЯ 1986: 191–194];
- двуязычные словари [ТРС 2007: 88–91; КРС 1965: 65–75];
- этимологические словари [УТЭЛ 2000: 351–355].

Данные источники обеспечили оптимальную выборку и систематизацию ФЕ

тюркских языков, содержащих гендерную семантику. В итоге исследовательский материал — гендерный фразеологический корпус тюркских языков был сформирован из более чем 1 300 единиц в совокупности, в том числе 485 ФЕ в казахском языке [ССФ 2010]; 240 ФЕ в татарском языке [ФСТЯ 1989]; 229 ФЕ в башкирском языке [РБФС 1989]; 213 ФЕ в узбекском [КУРФС 1980] и 153 ФЕ в киргизском языке [КТФС 2001].

Основополагающими методами исследования выступили: общенаучные методы (описательный, наблюдения, сравнения, интерпретативный и т. д.), методы сплошной выборки и статистические методы в работе с лексикографическими и фразеографическими источниками (отбор, классификация, систематизация фразеологического материала), когнитивно-семантический и компонентный анализ лингвокультурологического описания фразеологического значения, метод оппозиций для выявления характеристик феминного и маскулинного противопоставления в тюркской фразеологии, метод моделирования для фразеологического структурирования гендерных стереотипов. Применение данных методов позволило обеспечить комплексный подход к изучению лингвокультурологических особенностей ФЕ с гендерной семантикой и определить их как уникальные средства моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках — казахском, татарском, башкирском, узбекском и киргизском.

Гендерные факторы в языке как самобытный феномен фразеологического описания вызывают научный интерес в парадигме современных гуманитарных наук и методологических подходов, актуализирующих антропологические и гендерные исследования в национальных языках, способствуя развитию теоретических и методических основ исследований.

Поскольку ФЕ обладают репрезентативной функцией национально-культурной самобытности языка, не вызывает сомнений, что данное исследование способствует развитию научных подходов к определению ФЕ языка как уникальных средств моделирования гендерных стереотипов, отражающих особенности феминной и маскулинной природы человека в тюркской лингвокультуре.

3. Исследования гендерной проблематики на материале ФЕ

В связи с тем, что проблема гендера в тюркской фразеологии является малоизученной, гендерные стереотипы как ключевая категория гендерной лингвистики недостаточно представлены в соответствующих фундаментальных исследованиях. В отношении к тюркским языкам еще рано говорить о гендерной фразеологии как самостоятельно развивающейся научной отрасли с устоявшимся терминологическим аппаратом, системой методологических подходов, четко определенной структурой, научными традициями и т. д. Фразеологические исследования в области изучения гендерной проблематики демонстрируют наиболее широкий взгляд, который отражается в тематике и объекте исследований, а также междисциплинарный характер в выборе предмета исследования. Такие исследования проводились в большинстве на материале славянских и германских языков, а также в сопоставительных исследованиях с привлечением фразеологического материала одного или нескольких тюркских языков для сравнения с языком-эталоном, например, в исследованиях И. В. Зыковой [Зыкова 2003], М. М. Магамедовой [Магамедова 2006], В. С. Самариной [Самарина 2010], К. С. Волошиной [Волошина 2010], С. Ц. Дашиевой [Дашиева 2011], А. Л. Кормильцевой [Кормильцева 2015], О. Н. Калининой [Калинина 2017] и других.

Как отмечает И. В. Зыкова, фразеология определяет универсальность и характерные особенности любой конкретной национальной картины мира, запечатленной в знаковой системе вторичной номинации с помощью метафор, сравнений, символов, стереотипов, эталонов. Данный факт делает фразеологию весьма перспективной и многообещающей областью с точки зрения гендерных исследований. Гендерные исследования на материале фразеологических единиц помогают раскрыть не только современное видение и представление о культурных категориях маскулинности и феминности, но и длительный процесс эволюционного развития древнейшей архетипической оппозиции «мужчина – женщина» [Зыкова 2003: 10–11]. На наш взгляд, данный тезис подтверждает актуальность фразеологического описания гендерных стереотипов и об-

условливает необходимость развития исследований в тюркских языках.

Лингвокультурологическую природу гендерных факторов в языке и фразеологии можно также обосновать на основе концепций языковой картины мира Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], В. А. Масловой [Маслова 2001], Ю. С. Степанова [Степанов 2004], которые предопределяют особую значимость фразеологического исследования гендерной проблематики в связи с тем, что «фразеологический корпус представляет собой часть языковой картины мира» [Кормильцева 2015: 6].

О ФЕ как продуктивных средствах концептуализации и вербализации гендерного фактора или механизма в языке, способных фиксировать гендерную стереотипизацию женственности и мужественности, свойственную коллективному сознанию, а также отражающих в образной форме национально маркированные коннотации и стереотипы через гендерные компоненты-маркеры, писали в своих научных трудах К. С. Волошина [Волошина 2010], В. С. Самарина [Самарина 2010], С. Ц. Дашиева [Дашиева 2011], а также С. С. Сафонова, О. А. Чупрякова и Э. Р. Замалютдинова [Сафонова, Чупрякова, Замалютдинова 2017], Т. И. Григорьева и В. Л. Моисеева [Григорьева, Моисеева 2019], Г. Т. Шокым и др. [Shokym et al. 2023].

4. ФЕ в свете семантической классификации В. Г. Гака

Лингвокультурологический потенциал фразеологического фонда тюркских языков обеспечивает трансляцию ценностных ориентиров конкретного народа, что позволяет описать культурно маркированные модели гендерных стереотипов и определить особенности гендерной сферы тюркской лингвокультуры, моделируемых ФЕ.

Исходя из нашего тезиса, предлагаем обратиться к семантической классификации фразеологизмов, предложенной известным ученым В. Г. Гаком [Гак 1999: 262–265]:

- 1) национально-специфические ФЕ, являющиеся культурно обусловленными;
- 2) национально-специфические ФЕ, не обусловленные особыми фактами культуры;
- 3) культурно обусловленные ФЕ, но лишённые национальной специфики (имеют аналоги в сопоставляемом языке, обычно из заимствованных или общих источников);

4) лишённые национальной специфики и культурно-исторической обусловленности, образуются вследствие сходной образности.

На наш взгляд, данная классификация вполне применима для анализа фразеологического материала с гендерной семантикой и позволяет проследить способы фразеологического моделирования гендерных стереотипов в изучаемых тюркских языках. Обратимся к анализу ФЕ на основе классификации В. Г. Гака. Анализ ФЕ выявил следующие результаты:

1) национально-специфические ФЕ с гендерной семантикой, являющиеся культурно обусловленными. К этой группе были отнесены ФЕ, отражающие национально-культурные реалии конкретного этноса, например: *күйеуге тәс беру* ‘угощать зятя грудинкой (национальный обычай)’ (казахский) [КРФС 1988: 78]; *кияу пилмәне* ‘пельмени для зятя’ (татарский) [ФСТЯ 1989: 65]. Как видно из примеров, *күйеуге тәс беру* и *кияу пилмәне* связаны со свадебными обрядами казахов и татар, однако на примере этих языков можно увидеть, что казахи подают *күйеу бала* ‘зятю’ *тәс* (грудинку, обычно баранины), у татар — это пельмени. Вместе с тем следует учитывать, что *тәс* подается казахскому зятю со стороны семьи и родственников жены не только во время свадебной церемонии, а на протяжении всей его супружеской жизни. Сравните, например, в русском языке: к теще на блины. Традиция *шааш сипату*, что буквально означает ‘позволить гладить волосы’, зафиксированная в гендерной фразеологии казахов, является только свадебным обрядом, который осуществляется молодоженом (женихом) в момент женитьбы, когда к нему подводят невесту. Обычно это делается через женский платок, на современных свадебных торжествах казахов сейчас этот обряд возобновляется, но жених дотрагивается руки (не волос) невесты, также через платок (обычно белого цвета). Обряд регулируется только женщинами, являющимися для невесты *женге* — женой старшего брата или других мужчин-родственников (при отсутствии родных женге) [КУРФС 1980: 11; КРФС 1988: 45; РБФС 1989: 233; ССФ 2010: 77];

2) национально-специфические ФЕ с гендерной семантикой, не обусловленные особыми фактами культуры. Сюда отнесены ФЕ, которые отражают универсальные

реалии жизни, но имеют национально маркированные представления об этих реалиях: каз. *кіндік шеше* (букв.: *кіндік* ‘пуповина’, *шеше* ‘мать’) ‘женщина, перерезавшая пуповину новорожденного’ [ТСКЯ 1986: 191]; узб. *cho'qintirgan ona* ‘благословившая мать’ [УТЭЛ 2000: 351]; кирг. *өкүл эне* ‘названная мать’ [КРС 1965: 75]; тат. *исем анасы* ‘названная мать’ [ТПС 2007: 88].

Как видно из примеров, ФЕ номинируют лицо женского пола, обычно с положительной коннотацией и одобряемым носителем языка стереотипным представлением роли названной матери. ФЕ возникли из опыта женщин, роды которых происходили обычно дома, поэтому пуповину перерезала обычно более опытная, статусная, уважаемая женщина, например в речи казахов можно было услышать: «А кто *кіндік шеше* этого ребенка или молодого человека?» — т. е. на кого он / она похож своим поведением, характером, нравами? Качества ребенка, подростка или молодого человека связывали с качествами *кіндік шеше*. В роли *кіндік шеше* могла выступать женщина, которая сама является матерью, успешной в браке, благополучной, реализованной в важных женских ипостасях — в роли жены, невестки, матери, бабушки, прабабушки. Поэтому *кіндік шеше* (крестная мать) имеет только положительную стереотипную коннотацию во всех тюркских языках и характеризует уважаемую, статусную, достойную женщину. Следует подчеркнуть, что в традиционной тюркской лингвокультуре роль так называемой «крестной» всегда отводилась только женщине (которая физически перерезала пуповину — *кіндік*), поэтому она — *кіндік шеше*. В современной лингвокультуре применяется выражение *өкіл ана* и *өкіл эке*, буквально в переводе ‘представитель-мама, представитель-папа’, т. е. названные (*өкіл*) мать и отец (в том же значении, что крестные родители). Речь идет о мужчине и женщине (в основном семейной паре), которым делегирована честь (роль) названных родителей встретить (встреча при выписке) из родильного дома новорожденного (так как они не перерезают пуповину, только встречают с подарками и являются названными родителями). Однако стереотипные представления о женщине — названной маме крестника (и теперь уже о мужчине-крестном) сохранены: это достойные, уважаемые, благополучные, успешные

личности (ребенок будет равняться на них, они будут примером и гордостью). Интересно сравнить с аналогичными ФЕ крестную мать и крестного отца в славянской лингвокультуре — семантика связана с религиозным обрядом (крещением), а крестные родители являются духовными покровителями крестника. Отсюда следует, что современная лингвокультура фиксирует новые ФЕ — *өкіл ана* и *өкіл эке*, относящиеся к обоим полам — лицам женского и мужского пола [АСБЯ 2011: 65; ТСКЯ 1986: 194].

3) культурно обусловленные ФЕ с гендерной семантикой, но лишенные национальной специфики (имеют аналоги в сопоставляемом языке, обычно из заимствованных или общих источников) — включены ФЕ с единым этимологическим источником и не отличающиеся национальным мировидением: тат. *Мәрьям ана*; узб. *Хауа ана*; каз. *Хауа ана*, аналогично в русском переводе Дева Мария [УТЭЛ 2000: 355]. Данные ФЕ выражают положительное стереотипное представление о женщине (чаще пожилой), отличающейся мудростью, жизненным опытом, гуманностью, духовностью, добродетелями. Вместе с тем данная ФЕ содержит религиозную семантику, что в основном характерно для гендерных ФЕ, характеризующих маскулинные стереотипные представления в тюркских языках;

4) ФЕ с гендерной семантикой, не характеризующиеся национальной спецификой и культурно-исторической обусловленностью, образуются вследствие сходной образности, например: каз. *ана тілі*; тат. *ана теле*; узб. *она tili*; кирг. *эне тили* — в приведенных примерах (‘букв. язык матери’) наблюдаем нейтральную фразеологическую семантику, ФЕ означает ‘родной язык’. Интересно отметить, что в башкирском языке аналогичная семантика выражается ФЕ *туған тел* (‘букв. родной язык’) без именного гендерного компонента *ана* ‘мать’, но семантически связанным и исходящим от особой репродуктивной функции женщины — *туған* ‘родившая’, т. е. язык той женщины, которая родила тебя на свет [ТПС 2007: 89; КРС 1965: 69].

Как видно из примеров, в большинстве тюркских языков (например, так же и в турецком языке — *ana dili*, ‘букв. язык матери’ [БТПС 2009: 87], родной язык — это язык матери. Мать, женщина — источник духов-

ного, внутреннего, ментального мира для ее детей, а также семейного очага, поэтому в тюркской лингвокультуре зафиксировано множество факторов, отражающих особое отношение к воспитанию девочки и девушки — это традиционные взгляды феминного воспитания и устоявшиеся стереотипные представления в подготовке к будущему материнству. Поэтому девочек и девушек воспитывают с точки зрения нравственной, гендерной, социальной и духовной социализации личности. Воспитание феминной культуры опирается на положительные образы добропорядочной, благовоспитанной, почтительной женщины — супруги, хранительницы очага, матери.

5. Социокультурный анализ ФЕ

В отношении приведенного нами тезиса можно отметить социокультурный подход к исследованию феминных и маскулинных категорий гендерной тематики, который мы обнаруживаем, например, в труде Э. С. Хузиной: «Каждому из полов в данной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение. Эта регламентация отражается в языке в виде устойчивых сочетаний, например: *Хатын-кызның бәтен матурлыгы, бәтен курке* — ана булуда ‘Вся красота, вся прелесть женщины — в материнстве’; *Ир — гаиле башлыгы* ‘Мужчина — глава семьи’ и др. Язык, таким образом, является одним из важнейших источников знания о гендерной стереотипизации и ее изменений во времени, т. к. гендерные стереотипы могут быть реконструированы на основании анализа структур языка» [Хузина 2012: 8]. Исследуя гендерную стереотипизацию в татарском языке, Э. С. Хузина справедливо признает, что изучение лингвистической природы гендерных стереотипов и особенностей их отражения в языке предопределяются, главным образом, социокультурной обусловленностью обоих полов, их ритуализацией и институционализацией. По мнению ученого, «мужественность» и «женственность» (маскулинность и феминность) воплощаются в гендерных стереотипах и в значительной степени обусловлены культурной традицией [Хузина 2012: 9]. В этой связи фразеологическое моделирование гендерных стереотипов, несомненно, должно включать связанные с ними культурные

факторы и средства репрезентации данных стереотипов в системе языка. Концептуальные категории «мужественность» и «женственность» также опираются на описание стереотипных представлений, поскольку воплощаются в них как лингвокультурологические факторы [Хузина 2012: 15].

В ходе исследования гендерного фактора в тюркской фразеологии мы обнаружили, что стереотипные представления о маскулинности и феминности, репрезентативные стратегии положительной и отрицательной характеристики мужчин / джигита и женщин / девушек обуславливаются лингвокультурологическими особенностями языковой картины мира носителей данных языков. Так, например, проанализированный корпус ФЕ с гендерной семантикой позволил выделить несколько групп — подсистем стереотипизации в системе феминности и маскулинности. Обратимся к анализу фразеологических моделей, характеризующих стереотипные образы *женщин и мужчин* в тюркской лингвокультуре, которые классифицированы нами в следующие подсистемы:

1. Стереотипная модель, представленная вестиментарными компонентами кода культуры — как показал анализ, данные ФЕ моделируют женский образ через следующие вестонимы: *жаулык* ‘платок’ и *етек* / *итэк* ‘подол’, реже — *етик* ‘подол’, *шалбар* / *чалбар* ‘брюки’. Следует отметить, что метафоризация женского образа также осуществляется через данные вестонимы: *ақ жаулык* (‘букв. белый платок’) — замужняя женщина, женщина-мать, женщина старшего поколения; *төмен етек* (‘букв. низкий подол’) — баба, женщина, обычно с низкой стилистической коннотацией, характеризующей социальный статус женщины. ФЕ *етегі ашылмаган* (‘букв. не раскрывшийся подол’) в значении ‘целомудренная’; *каз. етегі қанамаған* (‘букв. не кровившийся подол’) в значении ‘бесплодная; никогда не рожавшая’; *тат., баш. итэк-еңде йыйыу* (‘букв. собрать рукава и подол’) означает ‘привести себя в порядок; привести в порядок свой дом’, *баш. итэк тулы* (‘букв. наполненный подол’) означает ‘многодетная женщина’ [ССФ 2010: 79; ФСТЯ 1989: 217; РБФС 1989: 234].

Интересно фразеологическое моделирование стереотипного образа мужчины-подкаблучника через вестоним *етек* ‘подол’:

каз. *етек басты қылды* ('букв. сделавшая (о женщине) мужчину, с головой ушедшего в подол') характеризует мужчину, покорившегося своей жене, ушедшего вместе с ней в бытовую сферу жизни. Так как в тюркской лингвокультуре зафиксированы стереотипы и нормы, регулирующие женские (феминные) и мужские (маскулинные) дела, поступки, поведение, роли, деятельность и т. д., положительный стереотипный образ мужчины моделируется через следующие представления: мужчина не вмешивается в кухонные вопросы, дела семейного быта, поскольку женщина — хранительница очага, она создает уют, комфорт, регулирует все вопросы, связанные с хозяйством. Поэтому мужчина не возится возле очага и своего «подола», т. е. возле своей жены. Настоящий, достойный мужчина — человек вне дома (каз. *ер адам түзде* — мужчина на заработках, в степи, на передовой, в обществе), недостойный мужчина — крутится вокруг подола, т. е. *етек басты еркек*. Поэтому *етек басты еркек* ('букв. мужчина, с головой ушедший в подол') звучит как оскорбление для достойного и уважающего себя мужчины. Вестоним *етік* 'сапог/и' встречается в ФЕ тат. *ике сыңар бер* кием в значении 'подходящие друг другу люди', фразеологическая модель опирается на метафору *пара сапог* — подходящие друг другу люди, сходные по взглядам, поведению, а особенно — по недостаткам, обычно применяется в неодобрительном значении в отношении *супружеской пары* (пара сапог) — мужа и жены, «стоящих» друг друга, соответствующих друг другу по недостаткам, отрицательным качествам. Через вестоним *чалбар* фразеологическая модель тат., баш. *чалбар төбе туздыру* ('букв. изнашивать низ брюк') репрезентирует лицо мужского пола, создается стереотип отрицательного образа мужчины, занимающегося бесполезным делом, попусту протирающего брюки / штаны, например, в народе чаще неодобрительно говорят так о мужчинах-чиновниках, они своей моделью поведения — бездействием, излишней бюрократией создали отрицательный стереотипный образ о себе [АСБЯ 2011: 68; ТСКЯ 1986: 193; ТРС 2007: 88; РБФС 1989: 234].

2. Стереотипная модель, представленная *астрономическими* компонентами кода культуры. К ним отнесены ФЕ, моделирую-

щие красоту женщины через эстетические стереотипные образы: узб. *юзида ой кўринади* ('букв. на лице видна луна') 'луноликая красавица'; каз. *жаңадан туған ай секілді* ('букв. словно только родившаяся луна') 'прекрасная, миловидная'; баш. *бер бите ай, бер бите кояш* ('букв. одна щека луне подобна, другая — солнцу') 'красавица неопикуемая' [КУРФС 1980: 15; ССФ 2010: 79; РБФС 1989: 235] и др. Как показал анализ, почти все ФЕ данной группы репрезентируют женскую красоту через *астрономы* — *луна, солнце, звезды*, которые также часто применяются и в женских именах собственных (*Айгуль* — Лунный цветок, *Айсүлу* — Лунная красавица, *Жұлдыз* — Звезда, *Күнсулу* — Солнечная красавица и т. д.). Следует отметить, что среди тюркских мужских имен часто встречается астроном *ай* 'луна' — *Айбар* 'луноподобный', *Айсұлтан* 'лунный красавец, повелитель луны', *Айдос* 'лунный друг' и др., что отражает в лингвокультуре значимость внешней красоты, привлекательности, статности и для мужчины. Астрономические компоненты в тюркской фразеологии чаще всего употребляются в моделировании положительных стереотипных женских образов [УТЭЛ 2000: 354; РБФС 1989: 235; КРС 1965: 66].

3. Стереотипная модель, представленная *гастрономическими* компонентами кода культуры: казах. *алма мойын* ('букв. шея как яблоко') 'красивая, с тонкой шеей', *үрін ауызға салғандай* ('букв. подуть и в рот положить, хоть съешь') 'красивая, милая'; тат. *авызы уймак, бите коймак* ('букв. ротик с наперсток, личико, как оладушек') 'милая, красивая, нежная' и др. Отрицательное стереотипное представление мужчины моделируется ФЕ в баш. *арыш боламығы* ('букв. кашка из ячменя') 'несмелый, мямля, размазня, слабовольный' (ирский), аналогично русской ФЕ: *ни рыба ни мясо* [УТЭЛ 2000: 351; РБФС 1989: 233; КРС 1965: 67].

4. Стереотипная модель, представленная *соматическими* компонентами кода культуры. Данную группу представили ФЕ, включающие в свой состав соматизмы, которые создают феминный стереотип: узб. *ай десе аўзы бар, кўн десе көзи бар* ('букв. рот как луна, глаза как солнце') 'писаная красавица', аналогичные ФЕ в каз. — *ай десе аузы бар, күн десе көзі бар*; баш. *теле татлы* ('букв. сладкий язык') 'сладко говорит, мяг-

ко стелет, с хитрецей»; в каз. и баш. — *ауыр аяклы* ('букв. тяжелые, отяжелевшие ноги') в значении 'беременная женщина'; но в татарском языке соматизм ноги для репрезентации данного стереотипного образа женщины не употребляется, речь идет только о «грузе» женщины, сравните: тат. *йөкле хатын* ('букв. женщина с грузом, груженная, навьюченная') 'беременная женщина'. Следует отметить, что в тюркских языках достаточно фразеологизмов с соматизмами, характеризующими неподобающее феминное поведение, и репрезентирующее отрицательную модель женщины: *бетін жыртты* ('букв. исцарапать, рвать лицо') 'оплакивать покойника' и в значении 'женщина, которая истерит, бранится', *бетін шымшыды* ('букв. щипать лицо') 'язвить, задевать словами, подкалывать' и 'выражать пристыженность'. Данные ФЕ не употребляются в отношении мужского лица (фразеологизмы-табу для моделирования маскулинного стереотипа), так как существует тюркское стереотипное представление коммуникативной модели мужчины: *мужчина не скандалит, не вступает в перепалку, не сплетничает, немногословен, не разбрасывается пустыми словами, говорит мало и по сути, ему чужды словесные баталии и говорливость*. На таких стереотипных представлениях воспитывается будущий мужчина в тюркской культуре: перечисленные стереотипные характеристики считаются нормой, стандартным поведением мужского лица, поэтому *отрицательный образ* мужчины всегда характеризуется через *многословность, говорливость, балаболство, пустословие, бахвальство*. Мужчина участвует в воспитании детей также не «словами», а «бровями» (намекающим взглядом, визуальной коммуникацией, молчаливым образом) и личным примером (поступками, делами). Соматизм *рот* во фразеологическом моделировании *мужчины* употребляется для положительного стереотипного образа (неговорливого болтуна) *ловкого, проворного, у которого все играет в руках и получается*, например, в баш.: *ауызы менән кош тотат* ('букв. ртом ловит птиц') и др. [TPC 2007: 90; РБФС 1989: 234].

5. Стереотипная модель, представленная цветовыми компонентами кода культуры: каз. *сарала етек* ('букв. желто-пегий подол') 'грязнуля, неряха'; каз. *ақ дидар* ('букв. бе-

лое лицо') 'белоликая; светлый образ женщины'; каз. *қызыл бет* ('букв. краснощекая, красное лицо') 'симпатичная, миловидная'; узб. *ак йөзле* ('букв. белое лицо') 'белоликая'; тат. *кара елан* ('букв. черная змея') 'коварная женщина'; кирг. *кыздын көзү кызылда* ('букв. глаза девушки на красном') 'женщины любят красивое, красоту' [ТСКЯ 1986: 192; УТЭЛ 2000: 355; ТРС 2007: 91; КРС 1965: 75] и др.

Цветовые компоненты участвуют в моделировании образа женщины, характеризующейся по внешности, поведению, характеру, гендерным предпочтениям. Стереотипные представления положительного образа феминности моделируются в основном с употреблением цветообозначений *белый / светлый и красный*, характеристика с негативной коннотацией — *черный*. В отношении лиц мужского пола встречаются ФЕ с цветовым компонентом — *ақ* 'белый', например: каз. *ақ сұңқар* ('букв. белый сокол') 'настоящий, истинный джигит'; тат., каз. *ак сакаллы* ('букв. белая борода') 'аксакал, старец, уважаемый мужчина в возрасте' и др. [TPC 2007: 91; КРС 1965: 69].

6. Стереотипная модель, представленная предметными компонентами кода культуры (предметы быта): каз. *оймақ ауыз* ('букв. ротик с наперсток') в значении «миловидная», *есік көрген* ('букв. выдавшая, открывавшая дверь') 'разведенная женщина', *босаға аттады* ('букв. перешагнула порог — порог дома мужа') 'стала замужней'; узб. *эркак супурги* ('букв. длинный веник') 'неуклюжая женщина'; тат. *чиләгенә күрә капкачы* ('букв. по ведру и крышка') 'друг другу подстать в недостатках, два сапога пара', обычно о муже и жене неодобрительно; баш. *иләк ауыз* ('букв. рот как сито') 'женщина-сплетница, говорливая, не держит язык за зубами', *авызы уймак, карыны капчык* ('букв. рот с наперсток, а желудок как мешок') 'прожорливая женщина, много ест' и др. Как показал фразеологический материал, компоненты, выражающие предметы быта, часто употребляются в моделировании лица женского пола как в положительном, так и отрицательном стереотипном образе. Данный факт подтверждает тезисы о том, что в тюркской культуре женщина тесно связана с бытом, хозяйством, кухней, благоустройством дома, домашней утварью («домоправительница, хранительница очага»),

поэтому в моделировании ее стереотипных качеств активно участвуют данные предметные коды культуры — моделирование ее образа через то, что ее окружает ежедневно, чем она живет, управляет, пользуется и т. д. Стереотипные образы мужчины реже моделируются через предметы быта — *қазан* ‘казан’, *уклау* ‘скалка’, *арқан* ‘аркан’ и др., например: каз. *қазан бұзар қырыс* (‘букв. сморщенный, упрямый мужчина, разбивающий казан’) ‘задира, драчун, смутьян’; баш. *уклау йоткан кеүек* (‘букв. словно проглотил скалку’) ‘статный, высокий, видный’. ФЕ данного типа моделируют обычно характер, поступки, поведение мужчины с положительной и отрицательной коннотацией [КРФС 1988: 45; КУРФС 1980: 15; ТРС 2007: 91; РБФС 1989: 233].

7. Стереотипная модель, представленная зооморфными компонентами кода культуры. Данная фразеологическая модель характерна в основном в стереотипизации лица мужского пола, ярко выражены метафорические основы ФЕ с наименованиями животных и зверей (лев, волк, лошадь, верблюд, осел, собака; реже — *орнитонимов* (наименований птиц) — петух, сокол), например: каз. *кәрі тарлан* ‘старый волк’ в значении «мастер своего дела, опытный», *күлге шөккен кәрі бура* ‘состарившийся на золе верблюд’ в значении «выдохшийся; обессиливший мужчина пожилого возраста»; каз., тат. *арыстан* / *арыслан жүрек* ‘с сердцем льва’ в значении «бесстрашный герой, мужественный»; кирг. *ит кууп жүрүү* ‘гонять собак’ — «бездельник, попусту проводит время» аналогично по смыслу «мужчина, протирающий штаны», кирг. *койдон жоош* ‘скромнее овцы’ в значении «стеснительный, смущающийся, нерешительный, мягкотелый»; тат. *ишәк кебек йошли* — букв.: ‘запрягается, как осел’, что в значении «трудяга». Следует заметить, что компоненты зооморфного кода культуры в стереотипном моделировании мужчины употребляются в тюркских языках чаще для характеристики таких маскулинных качеств, как: *сила, выносливость, терпение, спокойствие, способность к тяжелому труду, характер, мужественность, а также эталонные внешние качества и черты харизматичного образа*. Значительные особенности мы зафиксировали в тюркской лингвокультуре, связанные с возрастным периодом мужчин, от которых зависят каче-

ственные характеристики маскулинности, например, *старый волк* — положительный стереотипный образ мужчины (даже харизматичный, интеллектуальный, опытный), содержит только положительную коннотацию, но если мужчина как *старый верблюд* и *старая лошадь*, то его образ становится негативным — обессиливший, неспособный к осуществлению маскулинных качеств, немощный, беспомощный. Аналогичное явление обнаруживаем в русской лингвокультуре на примере пословицы «Старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет» — обычно употребляют первую, оптимистичную часть пословицы, в речи встречается ее усеченная форма «Старый конь борозды не испортит»; однако полная версия пословицы подтверждает наш тезис о возрастной характеристике и стереотипном образе отрицательного маскулинного качества (*Старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет* — в значении «надеюсь, что старый опытный человек справится с делом и не испортит ничего, будем верить, что ему будет по плечу, хотя...») [КРС 1965: 74; КРФС 1988: 55; ССФ 2010: 78; ТРС 2007: 91].

Аналогичное лингвокультурологическое явление наблюдалось в положительной стереотипизации женщин / девушек, репрезентируемых фразеологическими моделями с астрономическими и соматическими компонентами. Вместе с тем продолжим анализ: баш. *елан йоткан* ‘проглотивший змею’ в значении «деспот, коварный мужчина, злодей», сравните данный пример со стереотипным образом *коварной жещины* — она *черная змея*, а *коварный, зловерный мужчина* — *тот, кто проглотил (проглотивший) змею*. Явно образное стереотипное представление злодейства и коварства мужчины — оно сильнее, чем коварство женщины («он и змею проглатывает»). Также сравните фразеологическое моделирование образа *жещины* через *зооморфные компоненты*: змея (*кара елан* ‘черная змея’ в татарском) «коварная женщина»; кошка (в каз., тат. *ит пен мысыктай* — как кошка с собакой живут) «о жене и муже, не уживающихся, плохо живущих совместно») — как показал анализ материала, обычно характеризуется отрицательный стереотипный образ женщины [РБФС 1989: 234; КРФС 1988: 45; ТРС 2007: 88].

На основе анализа фразеологического материала мы получили следующие результаты: 1) ФЕ представляют собой лингвокультурологические средства моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках; 2) лингвокультурологические особенности феминности и маскулинности репрезентируются в исследуемых тюркских языках различными моделями ФЕ, содержащих характерные компоненты кодов культуры и гендерной экспликации; 3) тюркские языки имеют целый ряд типологических сходств и различий в формировании и репрезентации гендерных стереотипов, несмотря на генеалогические связи языков; 4) исследование фразеологического моделирования гендерных стереотипов вносит вклад в развитие гендерных исследований тюркских языков и изучение феномена гендера в тюркской картине мира.

5. Выводы

В результате данного исследования были проанализированы фразеологические средства моделирования гендерных стереотипов, репрезентирующих лингвокультурологические особенности феминности и маскулинности в тюркских языках. Анализ ФЕ с гендерной семантикой позволил выявить специфичные для каждого тюркского языка способы моделирования гендерных стереотипов, характерные лингвокультурологические свойства феминности и маскулинности, а также компонентный состав гендерных ФЕ, содержащих приоритетные коды культуры. Гендерные стереотипы с положительной и отрицательной характеристикой феминности моделируются в основном ФЕ, содержащими следующие компоненты: астрономический, соматический, гастрономический, цветовой, восточнический и предметный коды культуры. Гендерные стереотипы, характеризующие положительные и отрицательные черты маскулинности, чаще всего моделируются ФЕ, содержащими зооморфный, соматический, цветовой и предметный компоненты кодов культуры.

Как показало исследование, гендерный подход к фразеологическому моделированию (фразеологической семантике) предполагает оптимальное описание лингвокультурологических особенностей гендерных стереотипов, отражающих националь-

но-культурную самобытность феминной и маскулинной характеристики лиц женского и мужского пола в системе социокультурного бытия. Обращение к фразеологическому моделированию позволило рассмотреть гендерные характеристики тюркской лингвокультуры и актуализировать изучение гендерной фразеологии тюркских языков.

Национально-культурные эталоны, общечеловеческие и этнические ценностные ориентиры, языковые стратегии в выборе приоритетных компонентов лингвокультурологических кодов, положительная или отрицательная концептуализация окружающего мира наиболее образно и многогранно интерпретируются ФЕ, моделируя уникальные гендерные стереотипы в системе языковой картины мира конкретного этноса.

Выявленные положительные и отрицательные гендерные стереотипы, неоднозначность гендерной категоризации женских и мужских ролей, разноплановый подход к оценке различных гендерных сфер, коннотативная характеристика тюркской феминности и маскулинности позволили увидеть лингвокультурологическую маркированность и ценностную отнесенность гендерной фразеологии тюркских языков. Вместе с тем гендерная фразеология как подсистема языка структурирует и репрезентирует знания, опыт и информацию о *гендере* как социокультурном феномене, поэтому она подтверждает безусловное «право» и возможности (вербальные и категоризирующие компетенции) в моделировании гендерных стереотипов.

Таким образом, изложенные выше положения позволяют говорить о необходимости и научной значимости исследований, ориентированных на человека, его гендерные характеристики и стереотипы, с одной стороны, позволяющие идентифицировать современного представителя тюркской лингвокультуры в системе социокультурных отношений, с другой — способного воспроизводить и транслировать положительную гендерную культуру в обществе, которая фиксируется для будущих поколений в системе языка не только как наследие, а ценностный опыт его носителей. Поэтому данное исследование вносит вклад в развитие культуры исследований и знаний, научных дисциплин и методологии, ориен-

тированных на человека, гендер, социум, лингвокультуру, а также изучение языковых

средств моделирования и репрезентации в системе языка.

Сокращения

баш. — башкирский
каз. — казахский

кирг. — киргизский
тат. — татарский
узб. — узбекский

Источники

- АСБЯ 2011 — Академический словарь башкирского языка: в 10 тт. Т. 2: Б / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 568 с.
- БТРС 2009 — Большой турецко-русский словарь: 250 тыс слов и словосочетаний / под ред. Н. Н. Богочанской, А. С. Зубкова. М.: Славянский дом книги, 2009. 640 с.
- КРС 1965 — Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.
- КРФС 1988 — Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 224 с.
- КТФС 2001 — Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү (= Фразеологический словарь кыргызского языка) / Ж. Осмонова, К. Конкобаев, Ш. Жапаров. Бишкек: КТМУ, 2001. 519 с.
- КУРФС 1980 — Абдурахманов М. Краткий узбекско-русский фразеологический словарь. Ташкент: Укитувчи, 1980. 184 с.

Sources

- Abdurakhmanov M. A Concise Uzbek-Russian Idiom Dictionary. Tashkent: Ukituvchi, 1980. 184 p. (In Uzb. and Russ.)
- Asylgaev Sh. N., Ganiev F. A., Zakiev M. Z. et al. (eds.) Tatar-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–Л. Kazan: Magarif, 2007. 726 p. (In Tat. and Russ.)
- Bogochanskaya N. N., Zubkov A. S. (eds.) Unabridged Turkish-Russian Dictionary. 250,000 words and phrases. Moscow: Slavyanskiy Dom Knigi, 2009. 640 p. (In Turk. and Russ.)
- Isanbet N. S. Dictionary of Tatar Idioms. In 2 vols. Vol. 2: Л–h. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1989. 365 p. (In Tat.)
- Iskakov A. I. (ed.) The Kazakh Explanatory Dictionary. In 10 vols. Vol. 9: Т–Y. Almaty: Nauka, 1986. 560 p. (In Kaz.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 2: Б.

Литература

- Алексеевко, Белоусова, Литвинникова 2004 — Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М.: ИТИ Технологии,

РБФС 1989 — Ураксин З. Г. Русско-башкирский фразеологический словарь: 1572 фразеологических оборота / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989. 404 с.

ССФ 2010 — Смагулова Г. Словарь семантических фразеологизмов. Алматы: Елтаным, 2010. 252 с.

ТРС 2007 — Татарско-русский словарь: в 2 тт. / ред.: Ш. Н. Асылгаев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закеев и др. Т. 1: А–Л. Казань: Магариф, 2007. 726 с.

ТСКЯ 1986 — Толковый словарь казахского языка. Алматы: Ғылым, 1986. 560 с.

УТЭЛ 2000 — Рахматуллаев Ш. Ўзбек тили этимологик лугати (туркий сўзлар) (= Этимологический словарь узбекского языка (турецкие слова). Тошкент: Университет, 2000. 600 с.

ФСТЯ 1989 — Исанбет Н. С. Фразеологический словарь татарского языка: в 2 тт. Т. 2: Л–h / Н. Исанбет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 365 с.

Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (In Bash.)

Kozhakhmetova Kh. K., Zhaisakova R. E., Kozhakhmetova Sh. O. Kazakh-Russian Idiom Dictionary. Alma-Ata: Mektep, 1988. 224 p. (In Kaz. and Russ.)

Osmonova Zh., Konkobayev K., Zhaparov Sh. The Kyrgyz Idiom Dictionary. Bishkek: Kyrgyz-Turkish Manas University, 2001. 519 p. (In Kyrg.)

Rakhmatullaev Sh. Etymological Dictionary of the Uzbek Language. Tashkent: Universitet, 2000. 600 p. (In Uzb.)

Smagulova G. Dictionary of Semantic Idioms. Almaty: Eltanym, 2010. 252 p. (In Kaz.)

Uraksin Z. G. Russian-Bashkir Idiom Dictionary. 1,572 idioms. E. Tenishev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 404 p. (In Russ. and Bash.)

Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 973 p. (In Kyrg. and Russ.)

2004. 237 с.

Алефиренко 1993 — Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.

Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Язык и

- мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Архангельский 1964 — *Архангельский В. Л.* Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д.: Рост. ун-т, 1964. 315 с.
- Бадмаева 2010 — *Бадмаева Е. С.* Концептуальные пространства маскулинности и фемининности: на материале фразеологизмов и паремий: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 193 с.
- Буянова, Волошина 2017 — *Буянова Л. Ю., Волошина К. С.* Фразеологизм как гендерный экспликат: культурно-цивилизационный аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 117–124.
- Волошина 2010 — *Волошина К. С.* Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер»: на материале английского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2010. 192 с.
- Гак 1999 — *Гак В. Г.* Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260–269.
- Григорьева, Моисеева 2019 — *Григорьева Т. И., Моисеева В. Л.* Гендерная репрезентация фразеологических единиц с компонентом зоонимического кода в русском и якутском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 120–125.
- Дашиева 2011 — *Дашиева С. Ц.* Фразеологическая вербализация гендера: лингвокультурологический аспект: на материале бурятского, монгольского, русского и китайского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 172 с.
- Зыкова 2003 — *Зыкова И. В.* Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Editorial URSS, 2003. 232 с.
- Калинина 2017 — *Калинина О. Н.* Гендерные аспекты русской фразеологии // Молодой ученый. 2017. № 14(148). С. 717–719.
- Кириллина 1999 — *Кириллина А. В.* Гендерные стереотипы, речевое общение и пол говорящего // Женщина в русском обществе. 1999. № 2(14). С. 27–45.
- Кормильцева 2015 — *Кормильцева А. Л.* Лексическое поле «женский интеллект» в русском и английском языках: на примере устойчивых выражений: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 233 с.
- Магамедова 2006 — *Магамедова М. М.* Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 142 с.
- Малишевская 1999 — *Малишевская Д. Ч.* Базовые концепты культуры в свете «мужчина / женщина» // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 180–184.
- Маслова 2001 — *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Мукова 2011 — *Мукова М. Н.* Стереотипы маскулинности и фемининности в британской лингвокультуре: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011. 199 с.
- Самарина 2010 — *Самарина В. С.* Гендер во фразеологии: когнитивно-лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 199 с.
- Сафонова, Чупрякова, Замалютдинова 2017 — *Сафонова С. С., Чупрякова О. А., Замалютдинова Э. Р.* Наименования женщины в русской фразеосистеме // Филология и культура. Philology and culture. 2017. № 4(50). С. 84–89.
- Степанов 2004 — *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 286 с.
- Хузина 2012 — *Хузина Э. С.* Репрезентация гендерных стереотипов в татарском языке (на материале паремий и авторских афоризмов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 24 с.
- Shokym et al. 2023 — *Shokym G., Yesbergenova G., Bakytzhanova A., Tukeshova N., Gabdesheva A.* Linguo-Cultural Image of a Woman in the Turkic Gender Conceptosphere // Eurasian Journal of Applied Linguistics. 2023. Vol. 9(2). Pp. 237–245. DOI: 10.32601/ejal.902020
- Man in Russian Dialect Idioms: A Dictionary. Moscow: ITI Tekhnologii, 2004. 237 p. (In Russ.)
- Arkhangelsky V. L. Foundations of the Theory of Idioms and Issues of General Phraseology.

References

- Alefrenko N. F. Phraseology in the Language System of Russian. Volgograd: Peremena, 1993. 149 p. (In Russ.)
- Alekseenko M. A., Belousova T. P., Litvinnikova O. I.

- Rostov-on-Don: Rostov State University, 1964. 315 p. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. Language and Human World. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1999. 896 p. (In Russ.)
- Badmaeva E. S. Conceptual Realms of Masculinity and Femininity: A Study of Idioms and Paroemias. Cand. Sc. (philology) thesis. Irkutsk, 2010. 193 p. (In Russ.)
- Buyanova L. Yu., Voloshina K. S. Phraseological unit as a gender explicator: Cultural-civilized aspect. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2017. No. 2. Pp. 117–124. (In Russ.)
- Dashieva S. Ts. Phraseological Verbalization of Gender: A Linguocultural Aspect (Buryat, Mongolian, Russian, Chinese). Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2011. 172 p. (In Russ.)
- Gak V. G. Ethnocultural features of meronymic idioms. In: *Phraseology in Cultural Contexts*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1999. Pp. 260–269. (In Russ.)
- Grigorieva T. I., Moiseeva V. L. Gender representation of phraseological units with the component-zoonym in the Russian and Yakut languages. *Philology. Theory & Practice*. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 120–125. (In Russ.)
- Kalinina O. N. Gender aspects of Russian phraseology. *Young Scientist*. 2017. No. 14(148). Pp. 717–719. Available at: <https://moluch.ru/archive/148/41493/> (accessed: 26 January 2023). (In Russ.)
- Khuzina E. S. Representation of Gender Stereotypes in Tatar: A Study of Paroemias and Individual Aphorisms. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2012. 24 p. (In Russ.)
- Kirillina A. V. Gender stereotypes, speech communication, and the speaker's sex. *Woman in Russian Society*. 1999. No. 2(14). Pp. 27–45. (In Russ.)
- Kormiltseva A. L. 'Female Intelligence': Analyzing the Lexical Field via Russian and English Set Phrases. Cand. Sc. (philology) thesis. Kazan, 2015. 233 p. (In Russ.)
- Magamedova M. M. Gender-Related Lezgian and Russian Lexemes and Idioms: A Comparative Study. Cand. Sc. (philology) thesis. Makhachkala, 2006. 142 p. (In Russ.)
- Malishevskaya D. Ch. Man/woman: Basic concepts of culture. In: *Phraseology in Cultural Contexts*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1999. Pp. 180–184. (In Russ.)
- Maslova V. A. Linguocultural Studies. Moscow: Academia, 2001. 208 p. (In Russ.)
- Mukova M. N. Stereotypes of Masculinity and Femininity in British Linguoculture. Cand. Sc. (philology) thesis. Nalchik, 2011. 199 p. (In Russ.)
- Safonova S. S., Chupryakova O. A., Zamaliutdinova E. R. Names of women in the Russian phraseological system. *Philology and Culture*. 2017. No. 4(50). Pp. 84–89. (In Russ.)
- Samarina V. S. Gender in Phraseology: A Cognitive/Linguocultural Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis. Stavropol, 2010. 199 p. (In Russ.)
- Shokym G., Yesbergenova G., Bakytzhanova A., Tukeshova N., Gabdesheva A. Linguo-Cultural Image of a Woman in the Turkic Gender "Conceptosphere". *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2023. No. 9(2). Pp. 237–245. (In Eng.) DOI: 10.32601/ejal.902020
- Stepanov Yu. S. The Constants: A Dictionary of Russian Culture. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004. 992 p. (In Russ.)
- Teliya V. N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1996. 286 p. (In Russ.)
- Voloshina K. S. Idiom as a Means to Conceptualize Gender: A Study of English and Russian. Cand. Sc. (philology) thesis. Nalchik, 2010. 192 p. (In Russ.)
- Zykova I. V. Gender Construction Tools of English Phraseology. Moscow: Editorial URSS, 2003. 232 p. (In Russ.)

